

Повисло долгое молчание. Атмосфера в комнате стала такой же тягучей и неподвижной, как туман за окном, который всё никак не рассеивался. Цзян Шоуянь поднял глаза. Возможно, начали действовать таблетки, но он вдруг почувствовал усталость. Лежащий перед ним лист бумаги и фломастеры больше не казались ему забавными. Он зевнул и, с влажным блеском в глазах, пробормотал:

— Хочу спать.

Его пальцы невесомо прошли по обнажённой руке Чэн Цзайе, и в тот самый миг, когда они уже готовы были соскользнуть, Чэн Цзайе крепко перехватил его ладонь. Кончики пальцев Цзян Шоуяня были холодными, как и его взгляд, брошенный на Чэн Цзайе. От этого холода у Чэн Цзайе тревожно сжалось сердце. Казалось, он хотел что-то сказать, но после нескольких секунд зрительного контакта передумал и произнёс совсем другое:

— Потом я разбуджу тебя. Сегодня нужно пообедать пораньше: днём у тебя ещё сеанс с Чжоу Цзянем.

Цзян Шоуянь ответил коротким: «Угу» — и как ни в чём не бывало растянул губы в улыбке.

В гостиной надолго воцарилась тишина. Лишь когда телефон на столе звякнул, оповещая о новом сообщении, Чэн Цзайе осознал, что уже долгое время неотрывно смотрит на рисунок Цзян Шоуяня. В самом верху листа чернел клубок хаотичных, спутанных линий, а ниже красовались три разных щенка.

Глядя на коричневого щенка, Чэн Цзайе вспомнил, как Цзян Шоуянь однажды рассказывал ему, что в детстве у него была собака породы тусонг. Очень была послушная и умная, и часто лежала у его ног, пока он делал уроки.

В этот раз Цзян Шоуянь спал на удивление крепко. Он уже давно не видел таких долгих снов днём. Ему снились полевые цветы, река и маленький рыжий щенок, который бегал за бабочками.

Всё это было так давно, что, вспоминая этот сон, Цзян Шоуянь на какое-то время потерял связь с реальностью. Чжоу Цзяню по ту сторону экрана пришлось окликнуть его несколько раз, прежде чем он медленно пришёл в себя.

— Извини, — сказал он.

Чжоу Цзянь с улыбкой сказал:

— Всё в порядке. Ты сегодня часто отвлекаешься.

Цзян Шоуянь на мгновение замялся:

— Наверное, это из-за таблеток. Иногда бывает трудно сосредоточиться, — и сразу сменил тему: — Ты, кажется, задал какой-то вопрос? Я не расслышал.

Чжоу Цзянь кивнул:

— Я спросил, думал ли ты о своём будущем? О том времени, когда тебе станет немного лучше.

Раньше Цзян Шоуянь, скорее всего, не смог бы ответить на этот вопрос. Но сейчас, глядя на серое небо за окном, он медленно разобрал слово «будущее» по слогам и сложил из них образ Чэн Цзайе. Он постепенно раскрашивал свои мысли, рассказывая о множестве вещей, которые хотел бы сделать вместе с ним. Возможно, само имя Чэн Цзайе несло в себе тепло, потому что стоило Цзян Шоуяню произнести эти три слога, как в его чёрных глазах, казалось, вспыхивал свет.

Чжоу Цзянь спросил:

— А если отбросить Чэн Цзайе? Если не думать о нём, чего бы тебе хотелось?

Цзян Шоуянь, почти не раздумывая, покачал головой:

— Я не могу его отбросить.

Чжоу Цзянь едва заметно нахмурился, собираясь продолжить направлять разговор, но Цзян Шоуянь вдруг поднял голову и, глядя на него, медленно улыбнулся. У Чжоу Цзяня тревожно

дёрнулось веко. Из-за того ли, что они были мало знакомы, или из-за подсознательного желания избежать контакта Цзян Шоуянь во время их бесед редко смотрел Чжоу Цзяню прямо в глаза. Но сейчас он смотрел на него в упор. В полумраке комнаты его чёрные глаза казались двумя бездонными водоворотами, в которых таились какая-то болезненная одержимость и безумие.

— Старшее поколение часто говорит: «Долгая болезнь делает человека врачом», — медленно произнёс Цзян Шоуянь. — Я болею так долго, что уже более-менее понимаю, в чём корень моей болезни. И знаю, почему ты просишь меня подумать о будущем без Чэн Цзайе. Ты хочешь помочь мне разобраться в себе, понять, чего я хочу на самом деле.

На губах Цзян Шоуяня по-прежнему играла мягкая улыбка, но Чжоу Цзяню от неё почему-то стало не по себе.

— В прошлый раз ты поднял одну тему — сказал, что я живу в рамках и теперь постепенно пытаюсь загнать в эти рамки Чэн Цзайе. Возможно, с твоей точки зрения это неправильно, нездорово, — Цзян Шоуянь сделал паузу. — Но разве у людей не должно быть бесчисленного множества способов жить? Разве человек не должен жить так, как ему больше всего нравится, как ему комфортнее всего?

Чжоу Цзянь задал прямой вопрос:

— То есть возлагать жизненные надежды на другого человека — тот образ существования, который тебе больше всего нравится и в котором тебе комфортнее всего?

Цзян Шоуянь ответил:

— Да.

Чжоу Цзянь на мгновение замолчал. Он не собирался судить об их любви, но как специалист обязан был готовить пациента к худшему:

— Никто не будет с тобой вечно. У тебя есть только ты сам.

Цзян Шоуянь возразил:

— Есть ещё одно выражение: ценность жизни не измеряется её длиной. Я познал огромную любовь родных и величайшую любовь между двумя людьми, — Цзян Шоуянь перевёл взгляд на небо за окном и, глядя на эту безжизненную серость, с улыбкой произнёс: — У меня нет сожалений.

В этот раз беседа закончилась быстро, потому что Чжоу Цзянь был слишком потрясён и не мог продолжать разговор с Цзян Шоуянем в спокойном ключе. Он стоял у панорамного окна и курил. В стекле отражалась его белая домашняя одежда из хлопка и шёлка. Каждый раз, созваниваясь с Цзян Шоуянем, он надевал именно этот костюм, садился на одно и то же место

и настраивал освещение на одну и ту же яркость — всё ради того, чтобы Цзян Шоуянь быстрее к нему привык.

Чжоу Цзянь называл их регулярные дневные видеозвонки беседами, а не консультациями, потому что не брал за них денег. А не брал он их потому, что Чэн Цзайе тоже не получал зарплату те два месяца, что участвовал в его проекте. Он говорил, что пришёл учиться, но при этом выполнял много работы, которую должен был делать ассистент. По-хорошему, Чжоу Цзянь должен был платить ему по средней почасовой ставке. Но Чэн Цзайе отказался: он не нуждался в деньгах и хотел, чтобы этот процесс был более чистым, не завязанным на выгоде. Поэтому и Чжоу Цзянь не брал денег, отдавая таким образом долг.

Возможно, из-за того, что они с Чэн Цзайе проработали вместе в Сан-Франциско несколько месяцев и он много слышал от него о Цзян Шоуяне, во время бесед с последним он подсознательно терял профессиональную дистанцию. Этого не должно было происходить.

Чжоу Цзянь сделал последнюю затяжку, сел на диван и позвонил своему психотерапевту. Трубку взяли не сразу, и первой фразой было:

— Джей, ты же знаешь, что у меня сейчас отпуск.

Чжоу Цзянь усмехнулся:

— А ещё я знаю, что заплачу тебе в двойном размере.

Тон на том конце провода стал более расслабленным. Собеседница попросила его подождать, пока она перейдёт из спальни в кабинет, — туда, где она обычно работала. Чжоу Цзянь спокойно ждал, собирая свои немного сумбурные мысли, а когда психолог подтвердила свою

готовность, начал задавать вопросы один за другим. Тон женщины оставался ровным:

— Джей, ты слишком много думаешь, это на тебя не похоже.

Чжоу Цзянь на мгновение замер, потерев пальцами виски:

— Разве?

— Оставим пока в стороне разговоры о продолжительности и глубине жизни. Я хочу задать тебе пару вопросов. Как ты думаешь, почему человек может захотеть оборвать свою жизнь?

Чжоу Цзянь задумался: жизненные неудачи, невозможность получить желаемое, болезни, травмы и так далее. Всё это можно было свести к двум словам:

— Болезнь или боль.

Произнеся это, Чжоу Цзянь словно прозрел: Цзян Шоуянь всё ещё болен, и само его мышление сейчас патологично.

— Второй вопрос: если пустить всё на самотёк и позволить ему жить с таким мышлением во время болезни, как ты думаешь, как это повлияет на отношения в паре?

Чжоу Цзянь ненадолго замолчал.

— На него трудно ответить. И третий вопрос, худший сценарий: что почувствует один из них, услышав о смерти другого?

Чжоу Цзянь:

— Это станет новым витком травмы.

Между ними повисло молчание. Женщина на том конце провода закрыла свой блокнот и со смешком произнесла:

— Думаю, на сегодня наша консультация окончена.

Чжоу Цзянь взглянул на время звонка и ответил:

— Сорок минут. Завтра переведу тебе оплату согласно почасовой ставке.

— Тогда спокойной ночи, — ответила женщина.

Повесив трубку, Чжоу Цзянь написал Чэн Цзайе в WeChat, спросив, есть ли у него время

поговорить и чем занимается Цзян Шоуянь. Чэн Цзайе сразу понял, что Чжоу Цзянь хочет поговорить без ведома Цзян Шоуяня. Он напечатал: «Он спит. Можно созвониться сейчас».

Чэн Цзайе тихо прикрыл дверь, на цыпочках вышел на балкон и, как только раздался звонок, тут же ответил. Чжоу Цзянь немного помолчал, а затем спросил:

— Как настроение Цзян Шоуяня после сегодняшней беседы?

— Я не понял, — ответил Чэн Цзайе. — Он только сказал, что хочет спать, и уснул.

— У нас есть критерии оценки выздоровления, — начал Чжоу Цзянь. — Во-первых, это практически полное исчезновение соматических симптомов. Во-вторых, нормальные показатели по психологическим шкалам. И, наконец, способность вести нормальную жизнь и работать. Но выздоровление не означает, что рецидива никогда не будет. Это тесно связано с внутренней настройкой человека, — выпалил Чжоу Цзянь. — Однако, как правило, люди, которые полностью выздоровели и максимально снизили вероятность рецидива, обладают следующими чертами: они не возлагают свои ожидания на других, смотрят в лицо своим недостаткам и принимают их, умеют любить себя и наслаждаться жизнью.

И добавил:

— У Цзян Шоуяня этих черт нет.

Сегодня Чжоу Цзянь сам чуть не попался на удочку рассуждений Цзян Шоуяня, который возложил все свои надежды на Чэн Цзайе. А Чэн Цзайе — человек, умеющий любить, к тому же он системно изучил, как заботиться о больном партнёре. Поэтому ожидания Цзян Шоуяня не рушились, делая его всё более зависимым. Но жизнь изменчива. Сейчас эти ожидания

оправдываются, но что будет потом? Впереди ещё десятки лет пути. Неужели он собирается навечно связать свои жизнь и смерть с другим человеком? Неужели он снова ступит на ту же дорожку, что и после смерти бабушки?

С точки зрения Чжоу Цзяня, это было неправильно. Даже если два человека сильно любят друг друга, здоровая любовь должна помогать расти, а не становиться болезненной опорой и зависимостью.

— Цзян Шоуянь видит в тебе якорь среди бушующих волн. Пока ты рядом, он может крепко держаться на месте, — сказал Чжоу Цзянь. — Но и якорь иногда срывает. Если он не научится поднимать паруса, однажды пойдёт ко дну.

Чэн Цзайе что-то осознал и рассказал о том, как они рисовали утром.

— Дело не в том, что он не хочет заводить собаку. Просто он не хочет обретать ещё одну привязанность, ещё одну надежду на жизнь, — ответил Чжоу Цзянь. — В глубине души он по-прежнему пессимистичен.

Чэн Цзайе растерялся:

— Я делаю что-то не так?

Чжоу Цзянь снова вспомнил свой второй вопрос: «Если пустить всё на самотёк и позволить ему жить с таким мышлением во время болезни, как это повлияет на их отношения?» На самом деле у Чжоу Цзяня уже тогда был ответ, но у него не хватило духу произнести его вслух. Эта любовь была слишком редкой и ценной, и он не хотел накликать беду.

— Ты уже делаешь более чем достаточно, — ответил Чжоу Цзянь. — Просто направляй его внимание с себя на что-то другое. Ты ведь хотел, чтобы перед ним открылись более широкие просторы, не так ли?

Цзян Шоуянь адаптировался к побочным эффектам лишь полмесяца спустя. Его таблетки ещё не закончились, но приближался европейский Новый год, начинались праздничные выходные, поэтому Чэн Цзайе заранее повёз его за лекарствами. В этот раз врач, расспросив о самочувствии, выписал ему препараты сразу на месяц.

На обратном пути Цзян Шоуянь безучастно смотрел на уличные фонари за окном. Его эмоциональный фон по-прежнему оставался стабильно низким, голова туго соображала, а реакции стали гораздо медленнее, чем раньше.

За 1 января, наступающим завтра, должен был прийти Праздник весны. На фонарных столбах по обеим сторонам улицы рядами висели красные фонарики, создавая непередаваемую атмосферу праздника. Цзян Шоуянь почувствовал, как его пальцы слегка сжали. Он повернул голову и с улыбкой спросил:

— Что такое?

Горел красный свет. Чэн Цзайе отпустил руль и, играя с его пальцами, спросил:

— Завтра Новый год. Хочешь чего-нибудь особенного? Заедем сейчас в супермаркет и купим.

Цзян Шоуянь подумал и ответил:

— Хочу танъюани с кунжутной начинкой.

Примечание переводчика. Танъюани — сладкие шарики из клейкого риса, традиционное блюдо Праздника фонарей.

Чэн Цзайе поднёс его руку к губам, поцеловал и сказал:

— Значит, купим кунжутные.

В супермаркете было слишком много людей, и Цзян Шоуяню не хотелось там задерживаться. Чэн Цзайе быстро взял танъюани, купил немного продуктов для ужина, и они отправились домой. Вскоре машина въехала на подземную парковку их жилого комплекса.

В лифте было тихо. Чэн Цзайе в одной руке держал пакет с продуктами, а другой взял Цзян Шоуяня за руку и спрятал её в карман своей куртки. В последнее время температура резко

упала. Даже Чэн Цзайе не выдержал пронизывающего, словно иголки, южного холода и накинул тёплую куртку.

Раздался звонок: лифт прибыл на нужный этаж. Цзян Шоуянь вслед за Чэн Цзайе подошёл к двери квартиры, но тот почему-то не спешил доставать ключи. Цзян Шоуянь непонимающе посмотрел на него. Чэн Цзайе опустил взгляд и с лёгким волнением крепче сжал руку Цзян Шоуяня.

— Завтра наступит новый год, Цзян Шоуянь.

Цзян Шоуянь кивнул, не понимая, зачем нужно было говорить это, стоя под дверью.

— Новый год — всегда обновление. Я хочу сделать тебе новогодний подарок.

Чэн Цзайе достал ключи и открыл дверь. Цзян Шоуянь, стоя на пороге, нерешительно заглянул внутрь. И встретился взглядом с крошечным коричневым щенком тусонга. Щенок был очень активным. Виляя хвостиком, он звонко тявкнул ему: «Гав!»

<http://bllate.org/book/14908/1713716>